

2021.01.006. **Дмитриева Е.Л.***
ИСЛАМ В КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ
НАСЕЛЕНИЯ ШВЕЦИИ
(Сводный реферат)

1. Дианина С.Ю. Взаимодействие народов и культур в контексте интеграции мусульман в общество Швеции: проблемы и перспективы // *Концепт: философия, религия, культура*. 2020. Том 4, № 2 (14). С. 105–114.

2. Агафошин М.М., Горохов С.А. Влияние внешней миграции на формирование конфессиональной структуры населения Швеции // *Балтийский регион*. 2020. Т. 12, № 2. С. 84–99.

Ключевые слова: Швеция; ислам; миграция; конфессиональная структура населения; межкультурная коммуникация; СМИ; мусульмане в странах Северной Европы; параллельные мигрантские сообщества.

Дианина С. Ю.,

старший преподаватель кафедры языков стран
Северной Европы и Балтии МГИМО МИД России

Горохов С.А.,

доктор географических наук, доцент,

Институт географии РАН,

Ленинградский государственный

университет им. А.С. Пушкина

Агафошин М.М.,

ассистент кафедры экономической

и социальной географии,

Московский педагогический государственный

университет

На современном этапе в странах Европы наблюдается увеличение темпов миграции мусульманского населения и усиление роли исламского фактора в жизни европейцев. В Швеции отмечается особо значимый в мире темп распространения ислама в Европе. Страна характеризуется достаточно низкими показателями религиозности коренного населения и поэтому проблемы интеграции

* Дмитриева Е.Л., старший научный сотрудник, отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН, e-mail: eldmi@list.ru

мусульман в шведское общество нередко приводят к недопониманию и возникновению конфликтов с обеих сторон. Возросший уровень секуляризации современного шведского общества влечет за собой незнание коренными жителями страны религиозных правил и обычаев, как в христианстве, так и в исламе, что приводит к непониманию шведами образа жизни мигрантов из мусульманских стран. В настоящее время религия в Швеции воспринимается больше как частный вопрос, в то время как среди мусульман религиозные нормы выходит за рамки частной сферы. Высокая степень секуляризации населения Швеции оставляет мусульманам пространство для широкого исповедования собственной религии, хотя при этом религиозные нормы и образ жизни мусульман претерпевают изменения, настраиваясь на определенные культурные фильтры и адаптируясь к повседневной жизни шведского общества.

Автор исследования «Взаимодействие народов и культур в контексте интеграции мусульман в общество Швеции: проблемы и перспективы» Дианина С.А. (1) отмечает, что сегодняшняя Швеция в значительной степени характеризуется противоречиями из-за притока мигрантов-мусульман и число таких противоречий неуклонно растет – взаимоотношения между мигрантами и представителями коренного общества, трудности, которые новоприбывшие создают для повседневной жизни шведов и т.д. Особенно остро эта проблема касается мусульман, их культуры и религии, так как европейцы часто полагают, что основные ценности мусульман не сочетаются с европейским укладом общества, где сильны светские рациональные и нетрадиционные ценности. В качестве примера подобного различия социальных и культурных ритуалов автор приводит событие 2016 г., вызвавшее бурную дискуссию в шведском обществе, когда член партии зеленых, мусульманин Ясри Хан, отказался пожать руку женщине-репортеру во время записи телешоу. Вместо этого он хотел поприветствовать ее, положив руку на сердце, без физического прикосновения. Позднее он объяснил, что причина отказа от рукопожатия была основана на его вере и его религии, но это привело к тому, что Хану пришлось уйти из партии.

Автор указывает на существенную роль, которую играют СМИ Швеции в трактовании ислама для коренных жителей Швеции. Так, ислам часто изображается как статичная, неизменная величина с точными и готовыми ответами на всё, что касается жизни и поведения. Шведские СМИ часто сосредоточены на различиях, существующих между «шведами» и мусульманами, что приводит

к неверным представлениям друг о друге и разделению между различными группами. Медиа выступают в качестве инструмента формирования мнений, стереотипов.

Автор статьи выдвигает в качестве научного предположения данного исследования высокий уровень секуляризации шведского общества, который создает следующую ситуацию: представителю исламской религии не просто необходимо войти в общество страны с другой религией, но сделать это надо в весьма секулярной среде, имеющей принципиальные отличия от привычной. Шведские исследователи, по мнению автора, в своих взглядах на увеличение числа мусульман в Швеции и присутствия исламской религии в социуме обращают внимание в первую очередь на трудоустройство или образование мигрантов, а не на создание семьи или рождение детей. В связи с этим они выдвигают гипотезу, что исследования, делающие акцент на демографической стороне жизни мигрантов, больше напоминают пропаганду и имеют целью запугать коренное население страны. По мнению шведских исследователей, отношение и ценности мигрантов со временем меняются и можно будет наблюдать процесс ассимиляции.

Большинство людей в шведском обществе хотят содействовать процессу интеграции прибывающих именно в связи с возросшим числом мигрантов в Европу в последние годы. Чаще всего это связано с чувством моральной ответственности, потому что нередко многие шведы полагают, что у мигрантов нет иного выбора, кроме как остаться в Швеции. Здесь тоже существует дилемма: иммигранты, с одной стороны, рассматриваются как жертвы, нуждающиеся в помощи, а с другой – как культурная угроза шведскому обществу. Политическая тенденция, которая стала очевидной в Швеции в последние годы, когда акцент делается на адаптации вновь прибывших, подверглась критике за то, что культурные различия ставятся выше многих остальных параметров.

Автор приводит результаты исследований части шведских ученых, согласно которым больше половины прибывших за последние пять лет представителей исламской религии считают именно освоение языка одной из первоочередных задач. Владение языком дает преимущество во время собеседования и при устройстве на работу. Некоторые ученые полагают, что понятие «культурной идентичности» относится к сложному набору убеждений и взглядов, которые выходят на первый план именно при соприкосновении с другой культурой, а не в однородной культурной среде.

В материалах шведских СМИ мусульмане часто представляются группой, которая создает дилемму для шведских ценностей и норм в дебатах о религиозной свободе. Полная терпимость ко всем различиям может привести к усилению сегрегации и несправедливости, когда меньшинства угнетены. В качестве примера приведем частный случай: мусульманин-мигрант, прибывший в Швецию около трех лет назад, говорит, что ни разу за это время его коллеги не задали ни одного вопроса насчет его религии и не произнесли в его присутствии слово «ислам», хотя он во время рабочего дня находил время уединиться для молитвы. Но когда его знакомые начали задавать вопросы на тему ислама, он чувствовал себя «разоблаченным» и даже определял это как проявление расизма. Это показывает, что для обеспечения межкультурного общения недостаточно полной терпимости и принятия различий. Для совместного создания функционирующей социальной структуры слепая терпимость ко всем различиям – не самый лучший путь. Самое главное – пространство и атмосфера, которые люди создают посредством общения, в том числе – поиска различий между собой.

Автор выделяет несколько степеней интеграции мусульманина в принимающее общество. Жизнь в качестве «меньшинства» нередко означает, что повседневные привычки могут быть подвергнуты сомнению: не всегда очевидно, что в поведении является правильным или неправильным. Чем больше человек интегрирован в общество, чем больше он впитывает существующую в нем культуру, тем больше сама современная культура страны проникает в толкование им религии.

На основании исследования материалов СМИ автор обозначает несколько различий между Швецией и странами исламского мира, которые затрудняют жизнь мигрантов-мусульман. Важным фактором является большая протяженность светлого времени суток, что осложняет соблюдение поста. В отличие от этого природного фактора, социальный фактор легче поддается изменению, разность в общении в различных бытовых ситуациях: например в Сомали на остановке автобуса незнакомым людям проще начать общаться друг с другом, а в Швеции разговаривать с кем-то, кого не знаешь, практически невозможно. По мнению мигрантов, шведы не могут лишний раз выразить сочувствие, понимание, препятствуют контактам детей в общественных местах и т.д. Акцент переносится с частных проблем в общении на глобальные проблемы интеграции: Швеция – одна из самых открытых стран, правительство выделяет значительные денежные суммы, предоставляет по-

собия и жилье; но при этом мигранты оказываются лучше интегрированы, например, в американские города, чем в шведские, хотя в США они получают значительно меньшую финансовую поддержку. Таким образом, усилий государства недостаточно для успешной интеграции, необходимо еще и функционирование гражданского общества, взаимодействие и более близкий контакт людей. Кроме этого, были названы низкий интерес и непонимание религии, различные неудобства из-за отсутствия призыва к молитве, невозможность избежать легко одетых женщин без хиджаба, сложности сочетать рабочее или учебное время и молитву.

В связи с высоким уровнем секуляризации населения Швеция обладает большой религиозной свободой, здесь кто угодно имеет право мирно исповедовать свою религию. Постепенно в сознании многих молодых мусульман, прибывших в Швецию, происходит изменение взгляда на некоторые вещи.

В заключение автор статьи констатирует следующее: Швеция имеет высокий уровень секуляризации, что дает определенную религиозную свободу, но при этом такое положение создает ряд трудностей, которые нередко касаются повседневной жизни мигрантов-мусульман, ограничивая их в выполнении культурных или религиозных ритуалов. Представления, предрассудки и общий взгляд шведов на то, как вести себя в обществе, влияют на мусульман, живущих в Швеции сегодня. Так, процесс интеграции мусульман в шведское общество несколько затруднен, а число противоречий неуклонно растет. Поведение мигрантов-мусульман во многом зависит от конкретной ситуации, которая может быть не указана в религиозных правилах. Культурные и религиозные конструкции постоянно находятся в процессе изменений, их невозможно свести только к социальному кодексу поведения. Шведские мусульмане интерпретируют собственную религию, применяя различные культурные фильтры, накладывая свое восприятие на явления европейского общества, стараясь «настроиться», в том числе и на различия, а не только на поиск общего и компромиссного. Интеграция возможна только при участии обеих сторон.

Исследователи Горохов С.А. и Агафшин М.М. (2) целью своей работы ставят определение тенденций изменения конфессиональной структуры населения Швеции с учетом циклической динамики замещения протестантизма исламом. Авторы отмечают: несмотря на то что в течение большей части своей истории Швеция была страной с государственным статусом лютеранской церкви, ее превращение во второй половине XX в. в страну массовой

иммиграции оказало определяющее влияние на конфессиональную структуру населения страны. В результате роста численности беженцев из стран Балканского полуострова, Ближнего Востока и Африки Швеция стала государством с поликонфессиональным составом населения и одним из лидеров среди стран ЕС по темпам роста численности адептов ислама. Трудности адаптации мигрантов в стране приводят к их социальной, культурной и географической изоляции и формированию параллельных мигрантских сообществ.

Авторы отмечают, что европейский миграционный кризис 2014–2016 гг., в рамках которого в регион направились миллионы уроженцев стран Азии и Африки, чрезвычайно обострил в ЕС проблемы социальной и культурной адаптации мигрантов, и наиболее актуальны эти проблемы в странах, принявших больше всего мигрантов из мусульманских стран, например в Швеции. В результате возникают параллельные мигрантские, мусульманские и не только, сообщества, для которых характерны уход от внешней среды (концентрация в анклавах), отказ от интеграции в европейское гражданское общество, создание параллельных органов власти. Эти параллельные сообщества продолжают поддерживать тесные контакты со страной своего происхождения и оставшимися там родственниками, что способствует увеличению миграционного потока с их родины и препятствует культурной ассимиляции диаспоры. В связи с этим необходимо отметить, что диаспоры часто играют ключевую роль в налаживании экономических связей своей новой родины со страной исхода, а различные мигрантские организации активно участвуют в интеграции своих членов в новую социокультурную среду через содействие в получении жилья, устройство на работу или учебу. Тем не менее усиление миграционных процессов в современном мире и обусловленное ими формирование параллельных сообществ в развитых странах с низкой рождаемостью могут привести к тому, что «коренное» население этих стран постепенно само станет меньшинством. Данный процесс получил название третьего демографического перехода, точкой отсчета которого, по мнению автора данной концепции – британского демографа Д. Коулмена, должно стать априорное снижение численности коренного населения, прежде бывшего большинством, до уровня ниже 50% от общей численности.

Выдвинутая авторами гипотеза циклической динамики конфессионального геопространства под влиянием религиозной конкуренции согласуется с теорией о третьем демографическом

переходе. Одной из возможных причин запуска цикла замещения одной религии другой может стать миграция в страну адептов религии, которая станет конкурентом доминировавшей прежде в конфессиональном пространстве этой страны.

Согласно расчетам авторов, средняя продолжительность этого цикла в общем случае составляет в среднем 106 лет, он состоит из четырех фаз: начального, устойчивого замещения, паритета и окончательного замещения, – каждая из которых имеет свою продолжительность и характеризуется определенными параметрами состояния структуры конфессионального пространства.

Обращаясь к истории Швеции авторы отмечают, что еще в Средневековье в Швецию прибывали выходцы из Северной Германии, в основном купцы и ремесленники. В XVII в. открытие крупных запасов железной руды привело к миграции с территории современной Бельгии валлонов-протестантов, бежавших от религиозных преследований на родине, а с XVI в. лютеранство стало государственной религией Швеции, и на деятельность других религиозных организаций накладывались ограничения. Постепенно законодательство Швеции в области религиозной свободы становится более либеральным и, наконец, в 2000 г. лютеранская церковь Швеции теряет государственный статус. Таким образом, до середины XX в. внешние миграции не оказывали существенного влияния на этнический и конфессиональный состав населения Швеции; в годы после Второй мировой войны иммиграция в Швецию происходила по нарастающей – главной причиной этого стала благоприятная экономическая ситуация в стране. Бурно развивавшаяся после войны шведская экономика остро нуждалась в трудовых ресурсах, и после либерализации миграционного законодательства в 1950-х годах на шведский рынок труда хлынула волна трудовых мигрантов, большинство из которых составляли выходцы из Скандинавских стран, Германии и стран Восточной Европы. Однако с 1970-х годов иммиграция в Швецию становится более разнообразной благодаря увеличению численности иммигрантов из стран Азии, Африки и Латинской Америки, а также Европы, не входящих в ЕС. Всего с 1950 по 1980 г. количество католиков в Швеции выросло почти в 4 раза, православных – в 12,5 раза, мусульман – почти в 100 раз. Таким образом, в конфессиональном пространстве Швеции с ростом его мозаичности появились религии, способные в дальнейшем конкурировать с лютеранством, то есть запустить в конфессиональном пространстве страны цикл религиозной конкуренции.

С конца 1970-х годов структура иммиграции в Швецию стала меняться, что было обусловлено уменьшением спроса на рабочую силу ввиду низкой экономической конъюнктуры в стране и общего сокращения занятости в промышленности. Поэтому трудовых мигрантов из развитых государств сменяют беженцы и переселенцы из стран развивающихся, принадлежащих к иной по сравнению со шведами культуре и религии. Миграционная политика страны отличалась гуманностью, руководство государства позиционировало Швецию как «гуманитарную сверхдержаву», где уделялось большое внимание защите прав человека, и прием беженцев получал широкую поддержку в обществе. В 1990-е годы пришла очередь массовой иммиграции беженцев в Швецию. Ее первый пик был обусловлен потоком беженцев из бывшей Югославии (прежде всего боснийцев), переживавшей в этот период гражданскую войну; продолжился также прием беженцев из стран Ближнего Востока и Африканского Рога.

В дальнейшем, в 2000-х годах, объем миграции из данных регионов не только не уменьшился, но даже возрос. Росту численности беженцев способствовало, во-первых, шведское законодательство, обеспечивавшее право семей на воссоединение, в результате чего в страну устремились родственники мигрантов. Во-вторых, ситуация в странах, поставлявших беженцев в Швецию, не улучшалась – скорее, наоборот, американское вторжение в Ирак в 2003 г. увеличило численность мигрантов из этой страны почти в три раза всего за десятилетие. Причиной следующей волны беженцев в Швецию стала «арабская весна» 2011 г. и последовавшие за ней события на Ближнем Востоке, в том числе в Сирии и Ираке. Швеция стала страной, которая приняла самое большое число беженцев в Европе на душу населения. С 2017 г. сирийцы стали самой многочисленной группой мигрантов в стране, оттеснив на второе место финнов, а на третьем месте оказались иракцы.

По расчетам авторов, основанных на конфессиональной структуре населения стран, «продуцирующих» иммиграцию в Швецию, мусульмане составляли несколько более 80% иммигрантов в страну. Поэтому в конфессиональной структуре населения Швеции более всего выросла доля мусульманского населения. При этом наибольшее увеличение численности адептов ислама в Швеции наблюдалось в 1990-е годы и после 2010 г., что хронологически соответствует двум основным волнам прибытия беженцев в страну – югославско-боснийской и сирийско-иракской. Доля мусульман в религиозном населении Швеции составляет почти 14%

религиозного населения страны. В настоящее время Швеция в прямом смысле слова стала страной иммигрантов: в 2018 г. 930 тыс. человек (9,1% населения страны) были гражданами других стран, более 1,2 млн шведских граждан родились за рубежом. В Швеции проживают почти 25% населения, имеющего иностранное происхождение, то есть либо они сами, либо хотя бы один из их родителей родились за границей.

Мигранты в Швеции размещены крайне неравномерно, более половины их сосредоточено всего в трех из 21 административной единицы страны – Стокгольме, Вестра-Гёта-ланде и Сконе, прежде всего в их центрах – Стокгольме, Гётеборге и Мальмё. Здесь же сконцентрировано почти 60% мигрантов из мусульманских стран. Особенно много мусульман в районе Стокгольма – 27% от их общей численности в стране. В Ринкебю – округе на северо-западной окраине Стокгольмской агломерации, известном как «Маленький Могадишо», – адепты ислама составляют около 80% жителей. Примерно такая же ситуация сложилась в районе Мальмё Русенгорд, в населении которого 86% составляли лица иностранного происхождения – прежде всего выходцы из Ирака, Боснии и Герцеговины, Ливана, Сомали, Афганистана и других преимущественно мусульманских стран.

Авторы отмечают, что преобладание начиная с 1990-х годов в структуре иммиграции инокультурного и иноконфессионального компонентов затрудняет, а в отношении иммигрантов-мусульман фактически делает невозможной их интеграцию в шведское общество, способствует социальной деградации и криминализации мигрантов, приводя к формированию в Швеции параллельных мигрантских сообществ. Параллельные сообщества концентрируются в так называемых незащищенных районах – анкклавах, где государственной монополии на соблюдение законности и порядка бросается вызов со стороны институтов традиционного лидерства, основанного на исламских религиозных нормах, чуждых западноевропейским либеральным ценностям. В 2017 г. в стране насчитывался 61 незащищенный район, в котором проживало 560 тыс. человек, или более 5% населения страны. По данным шведской полиции, там действуют 5 тыс. преступников и 200 преступных сетей. При этом 23 таких района с общей численностью населения 200 тыс. человек, в том числе Ринкебю в Стокгольме и Русенгорд в Мальмё, отнесены правительством к категории особо незащищенных, контроль за которыми со стороны шведских властей фактически потерян. Таким

образом, внешние миграции всего за полвека смогли трансформировать конфессиональное пространство Швеции.

По мнению авторов, диверсификация миграционного потока в страну, прежде всего за счет роста численности иммигрантов из преимущественно мусульманских стран, привела к увеличению доли адептов ислама в населении, запустив цикл замещения протестантизма исламом в конфессиональном пространстве Швеции. Первая фаза цикла религиозной конкуренции – начального религиозного замещения – стартовала в 1994 г., когда мусульманская иммиграция из Югославии, Боснии и Герцеговины, Ирана и Ирака была максимальной. Пик следующей волны мусульманской миграции в Швецию пришелся на 2014–2015 гг., когда в страну прибыло рекордное количество беженцев из стран Ближнего Востока и Африканского Рога, что привело к смене фазы начального замещения следующей фазой цикла – религиозной конкуренции. Таким образом, продолжительность первой фазы цикла в Швеции – 20–21 год – примерно соответствует ее средней продолжительности (18 лет). К 2018 г. доля мусульман выросла до 14%, что соответствует параметрам следующей фазы цикла религиозной конкуренции – устойчивого замещения: с учетом ее средней продолжительности в идеальном цикле, равной 21 году, мы можем предположить, что фаза устойчивого замещения сменится фазой паритета в 2036–2040-х годах, то есть к этому времени доля мусульман в религиозном населении Швеции может достичь порога в 30%, что вполне согласуется с данными исследовательского центра Pew Research Center (к 2050 г. доля мусульман в ее населении превысит 30%). Уже сейчас фаза паритета стала реальностью в отдельных кварталах крупнейших шведских городов, в которых мусульмане составляют большинство населения.

В заключение авторы приходят к выводу, что современную Швецию можно назвать страной, прошедшей одной из первых в мире за последние полвека путь от моноэтничного государства с доминирующей государственной религией к стране с полиэтничным и поликонфессиональным составом населения. Ключевым фактором, преобразовавшим шведское общество и изменившим его культурные традиции, стала внешняя миграция, сначала вызванная экономическими причинами, а затем превратившаяся в гуманитарную «обязанность» Швеции по приему беженцев из наиболее неблагополучных регионов мира. Рост численности мусульманской общины, постепенно становящейся «вторым большинством» после адептов лютеранства, порождает серьезные проб-

лемы по ее адаптации в шведское общество. Оказалось, что не только мигранты, но и сами шведы, принадлежащие к различным религиям и имеющие часто противоположные ценностные ориентиры, не готовы к совместному сосуществованию в едином пространстве страны. Именно этим объясняется нарастающая культурная, социальная и географическая изоляция беженцев в Швеции, наиболее ярко выразившаяся в появлении в стране устойчивых параллельных мигрантских сообществ. В настоящее время шведская политическая элита пока не смогла выработать новой миграционной стратегии. С одной стороны, у «старых» системных политических партий сформировался устойчивый консенсус относительно образа Швеции как «мультикультурной гуманитарной сверхдержавы», не предполагающий дискриминационных ограничительных мер по отношению к мигрантам из мусульманских стран. Однако, с другой стороны, многие политики в Швеции не могут не замечать запроса значительной части шведов на сокращение миграции в их страну. Результатом именно этого запроса стал взлет популярности новой политической партии «Шведские демократы», требующей защитить национальную идентичность, благосостояние и безопасность шведских граждан от наплыва иммигрантов из мусульманских стран. Сейчас уже невозможно представить, что Швеция может снова стать моноэтничным государством. По мнению авторов, правительство Швеции под напором избирателей все же будет вынуждено изменить свою «щедрую» политику по отношению к мигрантам на более прагматичную.